

Публикация: Анатолий Жураковский, священник. «Мы должны все претерпеть ради Христа...»: проповеди, богословские эссе, письмо из ссылки к своей пастве / Сост., авт. биогр. очерка и коммент. П. Г. Проценко. – М., 2008. – С. 286–303.

Как радостно, как победно звучит это приветствие в наших храмах и в наших домах в эти святые дни. И только одно омрачает наше торжество, нашу светлую радость — это сознание того, что далеко не во всех сердцах у окружающих нас приветствие встречает ответный отзвук. Мы знаем, что много, очень много в наши дни единокровных с нами, рожденных с нами в одной вере, освященных когда-то таинствами Церкви, принимавших когда-то участие в наших молитвах и в нашем исповедании, а ныне вовсе отступивших от нас и от церковной святости. Вероятно, каждый из собравшихся здесь со скорбью может свидетельствовать, что в среде близких ему лиц есть такие, кто даже в эти светлые пасхальные дни не переступил порог храма, не преклонился перед Воскресшим и о ком хочется молиться особенно пламенно и неотступно.

Сегодня у нас торжество. Мы празднуем «пир веры». Неверующий Фома колебался, сомневался, отказывался верить. Но увидел, но прикоснулся, но осязал своими руками — и уверовал, и поклонился, и исповедовал: «Господь мой и Бог мой!» (Ин.20:28). Но в этот день нашего торжества за порогами храмов неверие совершает свое торжество и силится заглушить звуки наших хвалений голосами ненависти и богохульства. И мысль о том, что их много, много отступивших, слепорожденных и самовольно ослепивших себя,

— эта мысль не только наполняет сердце скорбью, но многих немощных лишает внутренней устойчивости, заставляет колебаться, рождает во многих душах тягостные сомнения. Братья, в эти дни сомнений и испытаний твердо будем помнить слова нашего Спасителя, сказанные апостолам в прощальной беседе: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Ин.14:1). В яркий, солнечный день подымите взоры ваши в лазурь, полную солнечных лучей. Как торжественно и победно струит свой свет и свое тепло солнечный диск! Но вот откуда-то набежали облака, мгновение — и солнца нет, точно его кто-то похитил у нас, закрыл серой дымкой, отнял у нас его свет. Но подождите еще мгновение, облака промелькнули, и опять все полно солнечным светом. Облакам принадлежит только мгновение, оно пройдет, и с ним промчатся облака, а солнце — солнце останется. Быстро проходят облака, но ярко светит солнце. Таков же закон и человеческой истории, истории Христовой Церкви. Наше солнце — это Христос, Победитель смерти и всякой тьмы. Вечным, немеркнущим, невечереющим светом сияет наше Солнце. Но бывают мгновения и в нашей личной жизни, и в жизни человечества, когда облака греха, сомнения, неверия закрывают от нас Божественный свет, и мы не видим солнца, точно его кто-то от нас отнял, и скорбью, смятением наполняется душа, охваченная мраком. Но, братья, будем помнить в такие мгновенья: быстро проходят облака, но ярко светит солнце. Не думайте, что только в наши дни неверие вступило в борьбу с верой и подняло свою голову. Так было от начала, и Спаситель предсказывал, что так будет до конца, до самого Его второго пришествия. Вспомните важнейшие моменты в истории христианства. Вот перед нами страшная минута Голгофской жертвы. Христос умирает на кресте. Не казалось ли тогда, что вместе с Ним умирает все самое светлое, что есть на земле, умирает добро, и красота, и самая идея Божественного. Не торжествовали ли тогда Его враги победы своей, как им казалось, окончательной и совершенной победы. Еще недавно Он был страшен для них. Он привлекает тысячи человеческих сердец, и они думали, что весь мир идет за Ним. Но вот теперь Он перед ними, бессильный, уничтоженный, опозоренный. Его источник чудес иссяк, Он умирает. Он Сам вопиет о Богооставленности. Вот Он испускает дух, они погребают Его, заваливают камнем Его бездыханный труп, накладывают свои печати, ставят стражу. И что же? Мы знаем, что было потом. В прах рассыпались печати. Тяжкий камень точно отброшен невидимой рукой, отлетел прочь, и охваченная ужасом стража разбежалась. А оттуда, из темного лоно земли, вырываются, текут, струятся волны, целый океан всепобеждающего Божественного света. Быстро проходят облака, но ярко светит солнце.

Потом началась история Церкви. Маленькая первохристианская община, в которой, по словам Деяний, насчитывалось всего 120 человек, состоявших из людей необразованных, худородных, бедных, стояла перед лицом громадного языческого мира со всей его тысячелетней культурой, наукой, искусством, пышным великолепием и могуществом, опирающейся на несметное войско властью. В союзе с иудейством этот языческий мир поставил своей задачей раздавить ненавистное ему вновь возникающее учение. Упорно и неотступно начал он борьбу, действуя то грубым насилием, жестокими и кровавыми казнями, то путем тонкой политической хитрости, стараясь вырвать из рядов христианства самых лучших и самых твердых и поставить Церковь в положение

полного бесправия и совершенной беспомощности. «Вас не должно существовать, вы не должны быть — non licet vas esse, — торжественно заявляли языческие императоры христианам. Не казалось ли тогда, что в этой неравной борьбе христианство, конечно, обречено на скорую и неминуемую гибель, не казалась ли победа язычества легкой и совершенно несомненной? Но мы знаем, что вопреки всем возможным ожиданиям и всем человеческим расчетам победило христианство, а язычество сложило к ногам Воскресшего свое оружие и исповедало Его: «Господь мой и Бог мой». Быстро проходят облака, но ярко светит солнце.

Но, конечно, борьба не кончилась этой внешней победой. Отрава язычества прошла внутрь, в самую сердцевину церковной жизни. За эпохой гонений последовала эпоха ересей и расколов. Были периоды, когда волна ересей — этого язычества, принявшего личину христианства, — вздымалась так высоко, что, казалось, готова была затопить собою самую вершину Божественной святости. Так, например, сильнейшая из ересей — арианство в союзе с государственной властью в IV веке заполнила собою всю Церковь. Весь епископат Востока и Запада был охвачен этим гибельным, уничтожающим в самом корне христианство учением; был день, когда даже Римский папа Либерий подписал очень сомнительный документ, сомнительное исповедание веры. Во всей вселенной остался только один православный епископ, это был епископ Александрии Афанасий Великий. Шесть раз он был лишаем своей кафедры и, изгоняемый из своего города, должен был скитаться и прятаться в отдаленных пустынях. Не казалось ли тогда, что Православие окончательно побеждено и уже никогда не возродится? Но час пришел, и старый Афанасий, вновь возвращенный на свою кафедру, был свидетелем того, как Божественная истина воссияла в новом свете, как загорелись снова потухшие и подвинутые светильники церквей и мир снова исповедал Того, Кого еще недавно готов был признать тварью: «Господь мой и Бог мой». Быстро проходят облака, но ярко светит солнце.

Из глубины веков перенесемся мыслью к тому, что было сравнительно недавно. Вспомним хотя бы расцвет неверия во Франции в XVIII веке. Неверующим мудрецам казалось, что они покончили с Богом и христианством навсегда и окончательно. Один из них написал даже книгу, в которой он вкратце излагает христианское учение. В предисловии к своей книге он выражает несомненную уверенность, что христианство должно исчезнуть в ближайшие десятилетия и самая память о нем не сохранится. И вот своей книгой он хотел оставить грядущим поколениям свидетельство об этом вымершем учении. Имя этого человека забыто, книга его не сохранилась и истлела, как сотни тысяч других книг, направленных против Божественной истины, стремящихся затемнить в своем множестве вечную евангельскую жемчужину. И миллионы людей, как и прежде, несут Распятому и Воскресшему свое преклонение, свой благоговейный восторг, свой трепет, свою жизнь и свое исповедание: «Господь мой и Бог мой». Быстро проходят облака, но ярко светит солнце.

Братья, нет ничего беспомощнее, нет ничего немощнее, нет ничего бессодержательнее неверия. Неверующий человек говорит обычно тупо, решительно и самодовольно. Для него нет тайн, нет непосильного, все просто, ясно и понятно. На все вопросы он имеет готовый ответ, но поговорите с ним подольше, поставьте перед ним загадки жизни во всей их остроте, и вы увидите воочию, как в конце концов беспомощен он в своих ответах. У него на все только один ответ, и ответ этот — пустота, небытие, бессмысленное и бессодержательное ничто. Вот миллионы людей в течение тысячелетий преклоняют колена перед Невидимым. Усталые, изможденные и обессиленные, они становятся на молитву, и через несколько мгновений с ними, в глубине их души, совершается чудо, перерождающее все их существо, восстанавливающее иссякшие силы и наполняющее их сердца вдохновением и светом. Невидимое — оно бесконечно реально, оно движет бесконечным множеством человеческих существ, созидает, разрушает, пересоздает человеческие общества, окрыляет своим дыханием самые светлые и самые лучшие человеческие жизни. Но спросите неверующего о невидимом. В чем его побеждающая сила, непостижимая мощь, действительность, перед чем преклоняются и преклонялись люди в течение тысячелетий и что открывалось и открывается в видимом как главный двигатель человеческой истории? У неверующего один ответ — ничто, небытие, пустота, ничего нет. Вот перед нами христианство — могучее, победоносное, обогатившее мир множеством сокровищ. Христианство со всем тем, что внесло оно в историю человечества, в философию, науку, искусство, в область человеческой нравственности, в сокровенную глубину человеческого духа, самых высоких духовных устремлений. Как безмерное громадное здание, воздвигнутое силами, превышающими всякое разумение, предстоит оно перед нашими очами. Кем оно создано и где его основание? Мы знаем, что оно построено на Божественном и Живом камне. В основании его Христос Распятый и Воскресший. Но спросите неверующего, что ответит вам он? Воскресения, скажет он, не было, Христа тоже не было. Откуда же христианство, откуда Евангелие, что же было? Ничего не было, была пустота, небытие, ничто. И наконец, спросите неверующего о тайне вселенной. О тайне ликующего солнечного света и темной многозвездной ночи. О тайне благоуханного цветка, яркой весенней зелени, распускающейся теперь повсюду, о тайне человеческого духа, приходящего из неизвестности и снова отходящего в неизвестность. Откуда, почему, как рождено и возникло все это, что было вначале? Пусть ответит неверующий. И мы слышим все те же бессильные и ничего не объясняющие и растерянные слова — пустота, небытие, ничто. Какая беспомощность, какое бессилие и убожество мысли! И неужели же в самом деле этот короткий и беспомощный ответ — ничто — так труден и недоступен, что человечеству нужны были тысячелетия напряженнейших и мучительнейших исканий, чтобы найти это короткое слово и увидеть в нем последний и победный триумф человеческой мысли? Неужели же люди, устремляя свои духовные взоры в неведомое, восходя со ступени на ступень, пролагали трудный путь к истине только для того, чтобы в конце концов как последнее откровение обрести вот этот ответ: пустота и небытие? Моисей восходил на пылающий Синай, Сократ пил цикуту, Платон углублялся в свои созерцания, величайшие представители религии и философии отдавали свою жизнь подвигу только для того, чтобы в конце концов торжествующее человечество, разгадав заветную тайну, нашло бы

на дне ее только одну пустоту, только мертвое и бессмысленное ничто. Какой ужас, какое безумие!

О, конечно, неверие вовсе не порождение человеческого разума. Не верьте этой лжи, незаконно и самозванно прикрывается она именем разума. Неверие рождается в сердце, в его темных и оскверненных грехом глубинах. Еще Псалмопевец открыл это: «Рече безумен в сердце своем — несть Бог» (Пс.13:1; 52:2). Вы думаете, эти тысячи людей, которые не приходят сюда, чтобы молиться с нами, они действительно и окончательно убеждены в истинности своих заблуждений, не верят потому, что приведены к неверию доводами своего рассудка? Конечно, это не так. Они не верят, потому что не хотят верить. Верить в Бога — это слишком страшно, это обязывает. Если есть Бог — это значит, что есть возмездие, есть суд нелицеприятный и страшный и перед этим судом надо ответить за каждый час, за каждое мгновение, за каждый шаг жизни. Если есть Бог, то все в воле Его, и я не могу уйти из Его воли. А если нет Бога — тогда воля моя, и мне все позволено, и я могу наслаждаться и насилловать, убивать и совершать преступления, потому что преступления нет и закон жизни — только мое ничем не сдерживаемое «хочу». Я не хочу возмездия, я не хочу никакой иной мысли, несовместимой с моим хотением правды. Я не хочу, чтобы был Бог, и Его нет; Его не должно быть, и Его нет. Вот истинная логика неверия.

У немецкого писателя Шиллера в одном из его произведений рассказывается о человеке, проведшем всю жизнь в преступлениях, жестокости, в неверии. Он умирает, этот человек, и вот перед смертью он зовет священника и вступает с ним в беседу. Он начинает говорить своим обычным, полным насмешки тоном: «Ты все веришь, что там что-то есть, ты все проповедуешь о Боге. Ты еще говоришь о каких-то иных мирах, которых, конечно, никогда не было и никогда не будет». Но спокойно отвечает священник: «Да, я говорю о Боге. Он есть. И ты тоже знаешь, что Он есть и что тебя ждет Его возмездие». Умиравший начинает раздражаться, приходит в гнев: «Ты лжешь, Его нет, Его не может быть. Он призрак, выдумка человеческой фантазии». Но спокойно отвечает священник: «Он есть, ты знаешь это. Ты ответишь перед Его судом». В ярости умирающий бросается на священника и начинает его душить. «Его нет, ты слышишь? Его нет. Я не хочу, чтобы Он был! Его нет!» Но спокойно отвечает священник: «Он есть, и ты ответишь перед Его судилищем за все преступления, за все ужасы, за каждое мгновение, за каждый шаг своей жизни». Таков спор неверия с верой. Такова логика неверия, логика сердца, омраченного похотью, злобой и преступлением. Страшно впасть в руки Бога Живаго. Неверие рождается в сердце, но оно так безвольно и так беспомощно, что не может быть нелживым. В своей борьбе с верой оно всегда хочет на кого-то опереться и найти каких-то союзников. Когда иудеи осудили Христа, за что они вынесли Ему смертный приговор? Конечно, за то и только за то, что Он был слишком свят и прекрасен и Своей Божественной красотой обличал преступный мрак их жизни. Но они не могли открыто обвинить Его в этом и не имели права самостоятельно подвергнуть Его смертной казни. И вот они ведут Его к Пилату и лжесвидетельствуют и

обвиняют Его как государственного преступника и нарушителя императорских законов. История повторяется. И в наши дни обвинители Христа ищут новых Пилатов и новых союзников для своего преступления. Так, они обвиняют Христа и христианство перед лицом науки, заявляя, что христианское учение противоречит научному мировоззрению и потому не может быть терпимо и должно быть признано отжившим и ненужным. Но как их Пилат не находил Иисуса виновным, так и наука, поскольку она не поддается влиянию озлобленных, неистовых криков, несущихся с площади, не может найти ни в Христе, ни в Его учении никаких преступлений. В течение веков подлинное научное мировоззрение становится все скромнее и смиреннее и само открывает и устанавливает свои границы, границы условного, предположительного и относительного, за которым начинается неподвластный ей мир иной Божественной реальности, мир религии. И мало того. В лице величайших своих представителей на протяжении веков наука не только оправдывает Иисуса, но она склоняется перед Ним в торжественном исповедании: «Господь мой и Бог мой!»

Научное мировоззрение не только не исключает собою религиозных предпосылок, но оно их неизбежно предполагает. Христианство говорит: «В начале было Слово» (Ин.1:1) — или, по-гречески, Логос, Разум, Смысл. И только предположив, что действительно есть Высший Разум, все Им сказано, все Им утверждается, мы можем допустить возможность разумного познания действительности, возможность науки. Неверие отрицает наличность Высшего Разума во Вселенной. Для него началом бытия является бессмысленная и косная материя, а разум человека есть явление случайное и необъяснимое. Если так, как же возможно разумное понимание мира? Как же возможно подлинно научное и философское мышление? Нет, истинное познание не только не противоречит существу нашей веры, благовестию светозарной пасхальной ночи, но оно само возникает из недр этого благовестия, из недр пасхального Евангелия. «В начале было Слово».

И новое лжесвидетельство возводят неверующие на Иисуса, на религию. Они обвиняют христианство перед лицом общественной морали. Они говорят, что христианство — это религия богатых, средство, при помощи которого богатые подчиняют и подчиняли себе в течение веков бедных, эксплуатировали и обращали в рабство трудящихся. Какая чудовищная, какая лживая клевета! Мы веруем в Бога, Пришедшего во плоти. Он жил с нами, наш Бог, ходил по нашей земле и был подобным нам Человеком. Как же жил Он? Быть может, Он родился и пребывал в царских чертогах, был окружен великолепием, пышностью, богатством? Избирал себе друзей из среды знатных и богатых? Быть может, Он был полководцем и заставлял подчиняться Себе насилем и множеством войск? Если это так, то, конечно, неверующие правы и наша религия — религия богатых и эксплуататоров. Но нет, мы знаем, что это не так. Не в пышных царских чертогах, а в убогой пещере родился Он и был положен в ясли, Он родился в семье плотника, и Сам был плотник, на руках Его были мозоли. Он был нищим. Он не имел постоянного приюта в своих скитаниях. Он проповедовал нищету, объявил нищих блаженными, отказ от

имущества ставил условием вхождения в Свое Царство. Он был Другом всех отверженных и призывал к Себе всех труждающихся и обремененных. Сильные и знатные мира, обличаемые Им, объявили Ему беспощадную борьбу, они обвинили Его как государственного преступника. Они подвергли Его самым позорным истязаниям, наконец предали Его страшной смертной казни. Как же смеют лгать лжесвидетели неверия? О каком же Боге говорят они как о Боге эксплуататоров и насильников? Мы не знаем такого Бога и не хотим его знать. Наш Бог — Бог трудящихся, обремененных, Бог смиренных и сокрушенных сердцем, Бог милосердия и любви. Все униженные и оскорбленные, все отверженные и угнетенные миром в Нем обретают свое прибежище и силу. Ему приносят свое исповедание — «Господь мой и Бог мой». О, конечно, я знаю, что в истории христианства были случаи, когда богатые и насильники злоупотребляли Евангелием и делали Его орудием в своих руках для своих темных целей. Так было, так есть и так будет. Но разве ответственна религия за эти злоупотребления и за эту неправду? Посмотрим, что сделали люди с наукой и ее достижениями. В тысячах мастерских во всех концах земного шара создаются ежечасно страшные орудия, при помощи которых можно в одно мгновение отнять жизнь у сотен людей. Смертоносные газы могут обратить в кладбище целые селения и города, губительные лучи на громадном расстоянии навсегда лишают множество людей радости видеть свет Божий. И ведь для всех этих ужасов человек пользуется наукой, ее достижениями, ее открытиями. Кто же ответственен за все это? Отвечает ли за все эти злоупотребления наука как таковая? Конечно, нет. Вся ответственность падает только на человеческую злобу, на страшную и безумную человеческую жестокость. Так и религия не отвечает и не может отвечать за все те злоупотребления, которые совершали от ее имени в течение столетий. Христианство не отвечает за все подделки под него, созидавшиеся прежде, созидаемые и поныне. Но самые эти подделки свидетельствовали и свидетельствуют о жизненной силе и подлинной ценности христианства. В самом деле, видели ли вы когда-нибудь поддельный булыжник? Конечно, нет. Да и кому придет в голову подделывать булыжник, раз он не имеет никакой цены? Поддельные же бриллианты встречаются часто и имеют большой сбыт. Так, широко распространялись и широко распространяются, наряду с подлинным христианством, его всевозможные подделки, обращающие святую на служение темным и немощным стихиям этого мира. Но мы отмечаем раз и навсегда все эти подделки, все то, что выдает себя за христианство, христианское учение так или иначе, но обосновывает свое бытие на лжи, компромиссе и насилии.

И только перед Распятым и Воскресшим, Единым, Чистым и не знающим порока и скверны мы преклоняем колена в торжественном исповедании: «Господь мой и Бог мой». Не смущайтесь же, братья и сестры, этими наветами, распространяемыми неверием. Неверие — это философия отчаяния и ужаса. Неверующий ходит над бездною, как лунатик, очарованный призрачными видениями. Он спит и не замечает этой бездны. Но рано или поздно он проснется и увидит страшную, зияющую под его ногами пустоту, пропасть, называемую коротким словом — смерть. Смерть — это последний роковой предел, к которому приводит нас неверие. Об этот предел рано или поздно должны разбиться в прах все грезы, все пышные обещания земного счастья и

довольства. Тайновидец Иоанн в своем Откровении рассказывает об открывшихся ему видениях. Видел он горделиво выступавших всадников. Вот всадник на коне рыжем. Мир отнимает он от земли и несет войну. Вот всадник на коне вороном. Меру и вес несет он с собою. Но всадник последний — на коне бледном. Имя ему смерть, и ад следует за ним. Таковы соблазны, которыми пленяется человечество на путях неверия. Война и утехи борьбы, пышность и роскошь, создаваемые промышленностью и цивилизацией, пройдут, промчатся, как всадники Откровения. Рано или поздно заблудившийся на путях неверия человек и человечество в целом встретятся с этим роковым последним всадником, всадником на коне бледном. Имя ему смерть, и ад следует за ним. Горе проснувшемуся над темной бездной пустоты и не увидевшему перед собою лестницы, возводящей к Горнему Престолу. Горе тому, кто встретится с последним всадником безоружный и беспомощный. Нет для него спасения, нет исхода. Только в благовестии Евангелия, только в светозарной тайне Пасхальной ночи дано непобедимое оружие, разгоняющее всякий мрак, разящее всякие ужасы и отчаяние. И видел Тайновидец иного всадника на коне белом... Он, Верный и Истинный, праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадем. Он имел имя написанное, которого не знал никто, кроме Его Самого. Он был облачен в одежду, обогренную кровью. Имя Ему «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облаченные в виссон белый и чистый. Он пасет их жезлом железным. Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих» {Откр.19:11–16). Блажен, кто будет с Ним в Его победоносном воинстве.

Братья, наша вера — величайшее сокровище жизни и спасения. Будем хранить ее как заповедную святыню сердца, хранить в себе, хранить в наших ближних. Особенно же в наших детях, потому что их слабым, неокрепшим сердцам грозит в наши дни наибольшая опасность. И навстречу всему безумию, отчаянию и всем хулениям мира понесем нашу благую, светносную и победительную весть: Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

26 мая 1926 г. Киев, храм на Соломенке.